

Как строг был Лигург. Только с устранением роскоши как в науках, так и в нравах, удалось ему довести свой народ до средоточия его силы, спартанской доблести и любви к отечеству и затем удерживать на этой высоте. . . Даже для снисходительного Солона не все было безразлично. . . Я не решаюсь утверждать, что Катон вовсе не был прав, когда он так резко высказывался против принятия всякого праздного греческого болтуна. Каждое государство имеет свои цели, свой принцип, свои границы; чем более правительственное будет иметь их в виду во всем, а также в законах о литературе и искусствах, тем более будет процветать государство и, с устранением чуждой сорной травы, жить из своих собственных корней».¹

II

Вторая часть главы «Торжок» дополняет и подтверждает первую. Радищев пишет во вступлении к ней: «Если мы скажем и утвердим ясными доводами, что цензура с инквизициею принадлежит к одному корню, что учредители инквизиции изобрели цензуру, то есть, рассмотрение приказное книг до издания их в свет, то мы хотя ничего не скажем нового, но из мрака прошедших времен извлечем в добавок многим другим ясное доказательство, что священнослужители были всегда изобретатели оков, которыми отягачался в разные времена разум человеческий, что они подстригали ему крылья, да не обратит полет свой к величию и свободе» (306).

Для этой части Радищев использовал сборник статей Иог. Бекмана «Статья по истории открытий», т. I, ч. 1, X, Книжная цензура, Древнейшее постановление о книжной цензуре, Второе исправл. изд. Л., 1783, со ссылками на труды Шюттера и Мерсье,

¹ «Ich bin ferne davon, eine zügellose Freiheit oder Gleichgültigkeit der Gedanken zu empfehlen, insonderheit, wo sie offenbar die Räder des Staats inne hält, sein Principium unwürksam macht und also gerade seine Zwecke und Glückseligkeit störet. . . Ich glaube also, es sei dem Staat freigelassen, ja nothwändig, gewisse Wissenschaften, so wie Ergötzlichkeiten und Beschäftigungen gerade auszuschliessen, wenn er sie mit seinem Principium der Würksamkeit nicht binden zu können, sich getrauet. . . Durch Ausschliessung der Übel fingen alle alte Gesetzgeber an, auf das Gute zu wirken. Moses verbot seinem Volk die Abgötterei, die Bildnerei musste er also mit untersagen und alle schöne Künste der Götterfeste. Wie strenge war Lykurg! nur durch Ausschliessung der Üppigkeit wie in Wissenschaften, so in Sitten, gelang es ihm sein Volk auf den Mittelpunkt seiner Stärke, spartanische Tugend und Vaterlandsliebe zu drängen und darauf festzuhalten. . . Auch dem mildern Solon war nicht alles gleichgültig. . . Ich entscheide es nicht ob Cato ganz unrecht gehalt habe, da er der Aufnahme jedes müßigen griechischen Schwätzers so scharf entgegen sprach. . . Jeder Staat hat seine Zwecke, sein Principium, seine Grenzen: je mehr die Regierung diese in Allem; also auch in den Gesetzen über Literatur und Künste, im Auge hat, desto mehr wird der Staat gedeihen und mit Hinwegräumung des fremden Unkrauts gleichsam auf seiner Wurzel leben» (S. 358—359).